
ЭХО РАБОТ Б.Ф. ПОРШНЕВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА Б.Ф. ПОРШНЕВА ВО ФРАНЦИИ И СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

З.А. Чеканцева

«История историков перестала быть единой или унифицированной, она теперь состоит из множества частных историй, различных хронологий и противоречащих друг другу нарративов. У нее больше нет того единственного смысла, который усматривали в ней тотализирующие философии истории, начиная с Гегеля. История – это конструкт, нарратив, и в качестве такового она представляет нам настоящее наряду с прошлым; ее текст сам принадлежит литературе. Объективность или трансцендентность истории – мираж, ибо историк сам вовлечен в дискурсы, с помощью которых он конструирует исторический объект. Не сознавая этой вовлеченности, история оказывается лишь проекцией идеологии – таков урок, который дают нам Мишель Фуко, а также Хейден Уайт, Поль Вейн, Жак Рансьер и многие другие».

А. Компаньон

Переосмысление в гуманитарном дискурсе второй половины XX в. содержательного наполнения концептов и их взаимоотношений в триаде *автор-текст/произведение-читатель*¹ актуализировало проблематику рецепции² творчества и идейного наследия. Эта тема имеет

Зинаида Алексеевна Чеканцева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

¹ На эту тему написаны целые библиотеки книг и еще большее количество статей. См., например: *Яусс Х.-Р.* История литературы как провокация литературоведения (1967) // Новое литературное обозрение. 1994. № 12; *Косиков Г.К.* «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр., составление и вступительная статья Г.К. Косикова. М., 2000. С. 3–48; *Компаньон А.* Демон теории: Литература и здравый смысл. М., 2001.

² Работая над этим текстом, я неожиданно столкнулась с негативным отношением коллег-историков к использованию слова рецепция в профессиональном дискурсе. Одни увидели в этом пренебрежение к русскому языку и предлагали заменить слово рецепция словом восприятие. Другие иронично замечали, что это слово вызывает

солидную традицию в истории философии и социальных наук, но историки, особенно в нашем Отечестве, сравнительно недавно приступили к ее изучению³. Очевидная деонтологизация исторического познания и явное повышение значимости историографических исследований в историописании последних десятилетий требуют от исторического сообщества активизации внимания к этим сюжетам.

Исследование подобной темы в историографическом ракурсе даже вне компаративной перспективы предполагает междисциплинарный подход, трудоемкие библиографические и биографические изыскания, обстоятельное изучение разнородных контекстов, использование разнообразных источников (авторские тексты, эпистолярное наследие, материалы научных дискуссий, критика, воспоминания современников, документы о взаимоотношениях в академической среде и отношениях с властью). Я отдаю себе отчет в том, что успела проделать лишь малую толику этой работы. Поэтому данный текст имеет постановочный характер. Это лишь предварительный итог размышлений на тему рецепции творчества крупного историка в разных средах.

Казус Бориса Федоровича Поршнева (1905–1972) позволяет сформулировать ряд вопросов, существенных при осмыслении взаимной рецепции двух национальных традиций изучения французского Старого порядка и Революции. Самый общий среди этих вопросов: что можно сделать в современных условиях⁴ для преодоления парадоксального

лишь ассоциации с туристическим «ресепшн» (reserption – общий зал или комната в гостиницах для приема и регистрации гостей). Это обстоятельство вынуждает объяснить использование концепта рецепция в данном тексте. Конечно, у этого слова (от лат. reserptio – принятие, прием) бездна толкований. Тем не менее, оно давно используется в науке, и не только в психологии, но и в истории мысли, истории права, истории культуры. Зародившаяся на рубеже XIX и XX столетий рецептивная эстетика, в 60-е годы прошлого века впервые в цепочке «писатель – читатель» на первое место поставила реципиента, сделав главной фигурой коммуникации читателя. Неравнодушная связь автора и читателя стала интерпретироваться как основа сближения их горизонтов ожидания, от чего во многом зависит понимание. Думаю, что термин рецепция, не вполне совпадая со словом восприятие (у последнего сильнее психологические коннотации), точнее обозначает процесс приятия различных по природе культурных форм в той или иной среде.

³ *Зверева Г.И.* «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам и Ева. Альманах гендерной теории. М., 2001. № 2. С. 238–278; *Чиглинец Е.А.* Рецепция как межкультурное взаимодействие. Античное наследие и современная культура // Материалы конференции «Межкультурный диалог в историческом контексте». Москва, 30–31 октября 2003 г. М., 2003; *Фирсов Е.Ф.* Два мыслителя – два друга: Томаш Масарик и Эрнест Радлов в переписке (конец XIX – начало XX века) // Меценат и мир. 2005. № 25–28.

⁴ Исследовательские проекты, связанные с изучением истории наук о человеке и обществе (нередко коллективные и международные), а также литература, которая появляется по мере их реализации, свидетельствуют о том, что гуманитарные науки в целом и историческое познание, в частности, переживают момент «включенного наблюдения» ремесла современного историка. В центре внимания при этом активная рефлексия «практик» исторического познания, сопровождающаяся междисциплинарным перекрестным вопрошанием теоретических референций и выявлением условий возможности такого знания на самых разных уровнях.

состояния взаимоотношений работающих в этом поле французских и российских историков, суть которого можно сформулировать словами поэта: «*Два зеркала друг друга отражают, ... взаимно искажая отражения*» (Георгий Иванов)? Для чего мы обращаемся к историографической традиции? Можно ли найти ключ к смыслам историографических текстов? Какие «инструменты» могут мобилизовать историки, чтобы их подходы к традиции помогли решать современные исследовательские задачи и соответствовали сегодняшнему состоянию исторического познания? Число таких вопросов можно значительно увеличить. Но, чтобы сделать разговор конкретным, вернемся к Поршневу.

Это был выдающийся советский ученый-гуманитарий, до сих пор остающийся одним из самых известных во Франции наших отечественных историков. Знаменитым его сделали работы о французском Старом порядке, в которых основным «хронологическим кадром» был XVII век. К нему он многократно возвращался, всякий раз на новом материале и всегда с острой потребностью в концептуальном осмыслении. Однако восприятие его исследований во Франции и Советском Союзе было весьма несхожим.

Французских читателей с работами Поршнева впервые познакомил Виктор Люсьен Тапье, который прочел по-русски его монографию о народных восстаниях накануне Фронды⁵. Это было в 1952 г., через несколько лет после выхода в СССР этой книги⁶, в основу которой была положена докторская диссертация Поршнева, защищенная накануне Великой Отечественной войны⁷. Но активное проникновение идей Поршнева во французскую историографию началось, благодаря Ролану Мунье.

Именно Мунье, вспоминая не без иронии Пьер Губер, включился с присущей ему энергией в борьбу «со страшилищем (*le spectre*) марксизма», дабы «освободить “науку”... от его ужасного влияния»⁸. Предметным полем этой «битвы» стала тема народных движений во Франции XVII в., изучение которой, начатое «почтительно забытым» Лависсом, неожиданно возобновил «сильный» русский историк Б. Поршневу⁹. Мунье распределил для исследования конкретные восстания XVII века среди участников своего научного семинара (в Сорбонне, а затем в университете Париж IV) и отправился в Ленинград, чтобы навести справки о документах, обнаруженных Поршневым в той части

⁵ См.: *Tapié V.L.* La France de Louis XIII et de Richelieu (1952). P., 1967.

⁶ *Поршневу Б.Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1643). М. 1948.

⁷ См.: *Шаранов Ю.* Защита докторской диссертации на тему «Народные движения во Франции в XVII веке» // Исторический журнал. 1941 № 5.

⁸ *Goubert P.* Un parcours d'historien. Souvenirs 1915–1995. P., 1996.

⁹ «Поршневу, русский академик (*académicien*), – пишет Пьер Губер в своих воспоминаниях, – предложил интерпретацию русского академика, т.е. коммунистическую». – *Ibid.* P. 186.

архива канцлера Сегье, которая попала в Россию на исходе XVIII в. Там он встретился с Б.Ф. Из этой встречи выросла знаменитая полемика о социальной структуре французского общества Старого порядка¹⁰ и «сноп» конкретно-исторических исследований крестьянских и городских восстаний XVII в. Ссылки на эту контroversу середины 1950-х годов стали на несколько десятилетий общим местом историографии Старого порядка. Фернан Бродель в статье 1958 г. «История и социальные науки» назвал книгу Поршнева «революционной»¹¹. Однако переведена на французский язык она была с явным опозданием, только в 1963 г.¹², через девять лет после того, как это сделали в ГДР. Французский перевод книги Поршнева породил серию критических рецензий и обзорных историографических статей не только во Франции, но и в других странах¹³. Однако, дискуссионность книги, наряду со справедливыми упреками в не всегда аккуратной работе Б.Ф. с источниками¹⁴, не помешала тому, что «судьба работ Б.Ф. Поршнева по истории Франции была столь же исключительной, как и судьба работ И.В. Лучицкого»¹⁵. Тема народных движений надолго стала одной из главных тем не только советской и французской, но и международной историографии. А ракурс осмысления истории «снизу» дал значительные научные результаты. Французские историки, во многом не соглашаясь с Поршневым, тем не менее, не могли не признать, что его эрудированные, основанные на богатом фактическом материале книги «будили мысль» и помогали искать пути к пониманию таких сложных исторических явлений как Фронда, французское государство, социальная жизнь, международные отношения, история идей.

Несмотря на то, что интеллектуальная ситуация на рубеже 60-х – 70-х годов изменилась и капризная научная мода стала явно поворачиваться спиной к социальной составляющей исторического процесса, французские историки еще два десятка лет продолжали изучать народные движения, совершенствуя подходы и инструменты анализа и наполняя свои исследования новым содержанием. Впечатляющие результаты этого познавательного поиска были продемонстрированы в мае 1984 г. на Парижском международном коллоквиуме, в

¹⁰ Отношение к этой полемике было разным. Губер, например, в середине 1990-х годов отметил, «что этот спор был бесполезен, ибо заранее были известны его результаты». Но были и другие мнения. См.: *Копосов Н.Е.* Как думают историки? М., 2002. Гл. 1.

¹¹ *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Под ред. И.С. Кона. М., 2000. С. 115–142.

¹² *Porchnev B.* Les soulèvements populaires en France au XVII siècle. P., 1963.

¹³ Упомяну некоторые из отзывов: Р. Мунье (*Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 1958. Т 5); Р. Мандру (*Annales*. 1959. № 4); Г. Лемаршан (*Pensée*. 1965. № 121); Д. Лигу (*Revue l'histoire économique et sociale*. 1964. Vol. 42, Т. 3).

¹⁴ См., например: *Люблинская А.Д.* Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л., 1982. Гл. 3.

¹⁵ *Далин В.М.* Историки Франции XIX–XX веков. М. 1981. С. 260.

котором приняли участие более 200 исследователей. Среди них были не только историки, но и социологи, «литераторы», антропологи, ориенталисты, объединившиеся на «территории» истории поведения. В материалах этой конференции, составивших фолиант почти в 800 страниц, имя Поршнева упоминается неоднократно. В том числе и в критическом ключе. Однако, открывая коллоквиум, один из главных его организаторов Ж. Николя сказал: «Великая романтическая историография XIX века сумела обратить внимание на бунтовщические движения анонимных масс, но их осмысление было вновь возобновлено и продвинуто в последние тридцать лет. Мы все помним далеко не только академическое содержание спора о природе и значении восстаний первой половины XVII века во Франции между Борисом Поршневым и Роланом Мунье. Сильный идеологический заряд отнюдь не обесценил их диалог, но напротив, стимулировал дополнительные размышления»¹⁶. Не забыли о научном наследии Поршнева и издатели: его книга была переиздана во Франции еще несколько раз (1972, 1978, 2002). Кроме того, были переведены на французский язык и другие его работы. Известные мне факты недавнего обращения французских историков к автору сайта о Поршневе в Интернете свидетельствуют о том, что интерес к историческим исследованиям русского эрудита во Франции сохраняется до сих пор.

В СССР Поршневу тоже был знаменит, точнее, скандально известен. Отношения ученого с властями в целом складывались удачнее, чем с коллегами по историческому цеху, в котором почти все его начинания воспринимались как «ересь», а почти все, что он писал, подвергалось жесткой критике. При жизни у него была репутация человека с неуживчивым характером и ученого, ищущего сенсации любой ценой. По большому счету, Б.Ф. не смог полностью реализовать свой потенциал, хотя опубликовал более 200 научных работ, многократно представлял советскую науку на международном уровне, подготовил учеников, внесших немалый вклад в отечественную историографию (А.В. Адо, Г.С. Кучеренко и др.). Но многое из того, что Поршневу задумал, так и не было сделано. Имея две степени доктора наук – исторических и философских – он не стал академиком. Несмотря на то, что его книга о народных восстаниях во Франции была отмечена Сталинской премией (1950), ему не удалось избежать травли во время кампании по борьбе с космополитизмом (1949–1951). После публикации статей о «четырех признаках средневековья» Поршнева обвиняли не только в отрыве «базиса» от «надстройки», но и приписывали ему «незнание марксистско-ленинской теории», «извращение ленинизма», «неодюрингианство» и «неонародничество». В то время это были политические обвинения. Не удивительно, что Поршневу написал покаянное письмо в журнал «Вопросы истории», где признал свои

¹⁶ *Mouvements populaires et conscience sociale. XVI–XIX siècles.* P., 1985. P. 13.

ошибки. И «каяться» его принуждали неоднократно. Дочь Бориса Федоровича полагает, что осуждение «научной общественностью» его последней книги «О начале человеческой истории», стало главной причиной преждевременной смерти ученого¹⁷. Исследовательские работы о Поршневе появились в России лишь в самое последнее время¹⁸. Его книги давно стали библиографической редкостью. А в воспоминаниях известных и таких разных российских историков как Е.В. Гутнова и А.Я. Гуревич доминируют по отношению к творчеству Б.Ф. нелюбимые оценки¹⁹.

Как объяснить такую разницу в восприятии? В мемориальных и историографических работах историки и люди, знавшие Поршнева, обычно акцентируют внимание на его личных качествах и концепциях. Однако вклад Поршнева в культуру изучения и понимания исторического проявляется также в самом подходе ученого к научной деятельности и, особенно, в его исследовательской практике. Поэтому важно учесть не только концептуально оформленные результаты его творчества, но и попытаться понять, как он работал, с какой целью, какие принципы, процедуры были для него важны. Перечитав недавно его основные тексты, я с удивлением обнаружила, что историческое мышление Поршнева созвучно мышлению последних десятилетий и его статус в историческом познании точно определяет трудно переводимое на русский язык французское прилагательное *performant*.

Поршнева иногда называют «последним энциклопедистом». С мыслителями XVIII века его объединяет не только необычайная широта интересов, но и страстная вера в науку, как некую социальную практику, которая способна преобразовать мир. Задачу построения новой общественной жизни, предполагающую и преобразование самих людей, Поршнева считал «грандиозной и необычайно трудной». Для ее реализации, писал он, «требуется точное и ясное знание с самой разной “наводкой”»: в объектив должны попасть как отвлеченнейшие экономические законы, так и все другие уровни приближения к конкретности, кончая живым биением человеческих чувств». Он не видел большой разницы между естественными науками и социальными. И те, и другие, для того, чтобы приносить пользу людям и обеспечивать прогрессивное развитие человечества должны искать и экспериментировать, изобретательно соединяя теорию и практику. Он считал, что «наличие разных тенденций, разного направления мысли» во всякой научной дисциплине «законно». При этом в социальных науках, включая историю, как и в естественных, «возможны не только систематика, но и открытия». И поиск нового был нервом всего его творчества.

¹⁷ Поршнева Е.Б. Реальность воображения (записки об отце). Я признательна А.В. Гордону за возможность познакомиться с этим текстом.

¹⁸ ФЕ 2005. Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005.

¹⁹ Гутнова Е.В. Пережитое. М., 2001; Гуревич А.Я. История историка. М., 2004.

В течение всей жизни Поршневу хотелось постигнуть «тайну человеческой истории» и с этой целью овладел ремеслом историка²⁰. Он рано понял, что, несмотря на большой интерес к социальному, который проявляла и советская, и французская историография отношения между индивидами в истории остаются не вполне понятными и осмысленными. Главную причину такой ситуации он видел в том, что исследования этих отношений не были интегрированы в ансамбль социальных наук. Именно в этой связи, работая с историческими источниками, он активно использовал методы других наук о человеке. При этом ученый был убежден, что видение исторического целого останется зыбким и туманным без помощи философии и междисциплинарных связей. Наконец, он понимал, что интересующая его «загадка человека», укоренена в дисциплинах естественнонаучного цикла, прежде всего, в биологии и этологии, а «тайна начала человеческой истории» находится в самом сердце «гносеологического пекла». Поэтому он следил за развитием теории познания и стремился понять происхождение человека и то, что происходило в его голове.

Поршневу полагалось, что роль историка не сводится к простому «сбору сырого материала», к тому чтобы «заставить заговорить сами источники». Чрезвычайная многомерность, неподатливость социальной материи требует постоянного поиска и конкретно-исторического и теоретического. Чтобы изучать сложные феномены, необходимы сложные и гибкие исследовательские программы. При этом каждый объект исторического исследования требует специального метода, который можно отыскать лишь на «пути теоретических исканий»²¹. Идя по этому пути, Б.Ф. много размышлял о понятиях, об историческом времени, о диалектике динамики и статики, подчеркивал «большое значение разрушительной работы» по отношению к традиционным, хорошо известным подходам. Изучая историю французского государства, народные восстания, межгосударственные отношения, политэкономии феодализма, социально-психологические общности, природу человеческого мышления и творчества, он учился у этнографов, археологов, антропологов, лингвистов, физиологов, биологов и не уставал призывать сообщество историков обратиться к теоретической рефлексии.

Междисциплинарное мышление, которое Поршневу осознанно культивировал всю жизнь, редкая работоспособность и мощная интуиция позволяли ему открывать не только новые предметные поля в рамках исторической дисциплины, но и целые исследовательские направления в социальном познании. Например, он считал, что отношения людей в историческом процессе очень сложны, в пределе

²⁰ Выбор профессии он сам подробно объясняет в одной из статей. См. *Поршневу Б.Ф. Борьба за троглодитов // Простор. 1968. № 7. С. 125.*

²¹ *Поршневу Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 9.*

чреваты противоположностями, поэтому борьба, понимаемая не только как борьба классов, но как вечное борение – *агон*, пронизывает всю историю человечества. В книге о народных восстаниях во Франции перед Фрондой Поршневым, вопреки доминировавшим тогда представлениям, показал первостепенную важность социальной, человеческой истории. Не случайно ортодоксальные советские историки упрекали его в недооценке экономического фактора, в отрыве социальных движений от способа производства.

Понимая, что любые теоретические искания подстегиваются «кислородным голоданием» «сегодняшнего дыхания», Поршневым предложено создать новую науку – историческую социологию международных отношений. О трудностях на этом пути он размышляет в одной из лучших своих исторических работ «Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века», которая создавалась около 30 лет²². В этой книге Б.Ф. утверждает, что история международных отношений не должна сводиться к описанию внешнеполитических стратегий отдельных государств, межгосударственных связей или истории дипломатии. Отталкиваясь от структурной лингвистики Ф. де Соссюра, он показал важность «различия вертикального и горизонтального разреза потока исторических явлений» и призвал историков внимательно присмотреться к синхронии в исторических исследованиях, разработав особую методику изучения горизонтального среза на материале истории международных отношений второй четверти XVII в.²³ Предлагая схемы «структурно» целостной Европы середины XVII в., Б.Ф. предупреждал, что его выкладки, схемы и чертежи не претендуют на какое-либо окончательное и абсолютное значение: «Они представляют собою авторскую интерпретацию, а не фотографию историко-политической карты»²⁴.

Он подчеркивал, что метод синхронии не противоречит таким традиционным для истории подходам как диахроническое описание или сравнительно-исторический анализ. Напротив, они могут взаимно дополнять и обогащать друг друга. В то же время, Поршневым показано, что идея изучения истории с помощью горизонтальных срезов требует от историка понимания диалектики «внутреннего» и «внешнего», «страны» и «региона», актуализируя роль исторической географии, а также особого внимания к теоретическому осмыслению различных человеческих общностей от первичной формы взаимодействия «я и ты»

²² Поршневым Б.Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

²³ «Синхронистический метод – рассмотрение судеб многих народов и стран в их одновременной связи» до сих пор широко применяется в международной аналитике. См., например: Косолапов Н.А. Международные отношения: эпистемология и методы исследования // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3.

²⁴ Поршневым Б.Ф. Франция, английская революция... С. 38.

до человечества²⁵. Согласно Поршневу, внешнеполитические аспекты тесно связаны с внутренними процессами различной природы. Идея горизонтального или пространственного единства в интерпретации Поршнева, по сути, выводит на проблему «тотальной» истории в духе Ф. Броделя. «Синхронистический срез», убеждал Б.Ф., помогает обнаружить «сложнейшее кружево различий». В его понимании «это не только границы, но и отношения языков, культурных кругов, вероисповеданий, идеологий, перепады экономических уровней, различия хозяйственных областей, денежных систем и многие другие». Одним словом, «синхронистический срез взаимоотношений государств, цивилизаций, вообще всех элементов жизни людей по какой-то избранной дате или узкому периоду открывает сферу плодотворных научных исследований»²⁶.

В этой книге Б.Ф. поставил еще один важный для современной науки вопрос. Проблему масштаба исследования. Разумеется, в центре его внимания были социальные общности, группы, классы, тем не менее, он подчеркивал чрезвычайную важность микромасштаба наблюдения, позволяющего показать конкретное, индивидуальное, единичное в истории, в том числе в истории международных отношений. Один человек, «живой узелок истории» под объективом микроскопа историка может связать «церкви, государства и рынки»²⁷. Эти страницы, написанные еще в 1960-е годы, сегодня воспринимаются как продукт микроисторического (казусного) мышления.

Тогда же ученый предложил развернутую программу изучения человеческой субъективности, которая станет основой для новой дисциплины – исторической психологии. «Самой субъективной стороной субъективного», согласно Поршневу, является исторически меняющаяся психика людей. История без психики – это история без живых людей, «обесчеловеченная» история²⁸. Историки, сильно отставшие в изучении психической стороны субъективных аспектов описываемых ими массовых явлений, обязаны активно включиться в исследование социальной психологии, поскольку в широком общеметодологическом смысле «всякая психика человека является социальной». Лишь безнадежные «экономические материалисты» могут думать, что восполнение этого пробела привело бы к «психологизации» истории. Необходимо изучать не только идеологию, но и «психические состояния», имеющие собственную структуру и специфику. Эти состояния проявляются и как комплекс привычек и обычаев, которые Поршневу назвал устойчивым «психическим складом», и как динамичные настроения, «психические сдвиги». Последние характерны и для отдельного человека и для

²⁵ Поршнев Б.Ф. Франция, английская революция... С. 24–28.

²⁶ Там же. С. 21.

²⁷ Там же. С. 339–354.

²⁸ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М. 1979. С. 8.

общностей, начиная от первичной единицы взаимодействия «я – ты» через множество промежуточных субъектов истории вплоть до всего человечества. Они осуществляются почти инстинктивно, в силу традиции, переплетены с действиями, эмоционально окрашены. Этот «нижний этаж социального общения», заслуживает самого пристального внимания, поскольку его исследование позволит выявить механизмы «взаимного воздействия людей посредством речи, а также мимики, жестов, выражения эмоций». Кроме того, в деятельности человека не все можно объяснить рациональностью, нередко поступки людей обусловлены традиционными представлениями, действиями и эмоциями. Нетрудно заметить, что Б.Ф., не используя термин *ментальность*, пишет о важности исследования не связанных с рефлексией многообразных проявлений сознания и поведения в человеческих сообществах. «В конечном счете, социальная психология, разрабатываемая и психологами и историками применительно к прошедшим эпохам, – это гигантская лаборатория для познания и выверки тех понятий, которые нужны нам в современной общественной практике», – писал Поршнев.

Углубляясь в проблемы человеческого сознания, он приходил к мысли об упрощенности детерминистского здания, выстроенного позитивистской наукой. «Науки об “истинном”, лежащие в основе замечательных достижений технической кибернетики, такие как логика и теория информации, как математическая логика и семиотика, – писал Поршнев, – останутся неполными и хромающими на одну ногу, пока не будут дополнены науками о “неистинном”». Способность человеческого ума к заблуждениям, абсурду и противоречию, т.е. к извращению реальности, не может быть объяснена только как механистические поломки мыслительной машины. Она восходит к «дологическому мышлению». Этой теме посвящена, возможно, главная книга Поршнева по палеопсихологии²⁹, до сих пор не опубликованная полностью.

Я не отрицаю марксистских убеждений Поршнева. Разделяя марксизм в его советской версии, ученый внес свою лепту в советскую философию истории, но он не запрещал себе думать. И, вероятно, его понимание марксизма отличалось от марксистско-ленинской вульгаты. «Марксизм, – писал Поршнев, – это строго научное понимание законов и условий процессов общественной жизни. Это единство абстрактной теоретической мысли и самого конкретного знания. Вместе с тем марксизм – это мечта и страстность»³⁰. Для него не существовало безусловных авторитетов. Он сам пытался понять то, что его интересовало. Более того, ему явно нравилось работать в зоне «рискованного мышления». Это был его стиль. Открытое, полифоничное, междисциплинарное историческое мышление ученого, обгонявшее свое время,

²⁹ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М., 1974.

³⁰ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. С. 11.

вряд ли могло в полной мере соответствовать догматическому политико-идеологическому мировосприятию, хотя оно и сочеталось с позитивистским нарративом и соответствующим стилем письма. Междисциплинарное исследование исторических нарративов, специальное изучение письма историков, позволило бы понять, как проявлялись в практиках письма не только содержательные смыслы, но и нормы письма и рецепции. К сожалению, в российской историографии конкретно-исторические исследования такого рода на французском или российском материале Нового и Новейшего времени мне неизвестны. Между тем, один из создателей нарративистской философии истории, голландский ученый Ф. Анкерсмит поставил вопрос о том, что язык в историческом сочинении это еще далеко не главное, только после того, как основательно изучил тему историографического нарратива. Важно осмыслить процесс «историографического производства» как культурный опыт восприятия прошлого, который совсем не то же самое, что и прошлый опыт, который изучают историки. При этом философ справедливо замечает, что в современной ситуации последнее слово в историографических дебатах должны сказать историки, а не он, философ истории³¹.

Современники Поршнева, и не только российские, до сих пор обвиняют его в догматизме. Но, на мой взгляд, в работах и поведении Б.Ф. скорее проявляется прагматизм. Например, в том, как он отказывался, если требовалось, от своих не очень удачных идей. Или в манере работы с аспирантами, тексты которых он внимательно читал, но никогда не редактировал, постоянно убеждая своих учеников в необходимости «воровать время» для науки всеми возможными способами. Прагматизм Б.Ф. выявляют также воспоминания французских историков о необычайной легкости, с которой он заменял в переведенной на французский язык монографии цитаты из Сталина на цитаты из Хрущева. Вряд ли ортодокс мог воспринимать это как игру. Косвенно этот прагматизм и подтверждает и Гуревич: «У Поршнева была глава [в книге «Социальная психология и история» – З.Ч.], ...где было собрано много материала о том, как надо себя вести в русле меняющихся условий...»³². Возможно, некоторые идеи, которые Поршнева настойчиво проводил в своих работах, были скорее ставкой в борьбе за доминирование в академическом пространстве в условиях, когда работать в нем можно было, лишь имея властные полномочия.

В целом, мысль Поршнева и все его творчество стали важным вкладом в развитие традиционного исторического познания, которое «постепенно, но настойчиво помогло нам заменить понятие Истины понятием Свободы в качестве цели человеческого мышления» (Р. Рорти)³³.

³¹ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. С. 216.

³² «Быть долгие в стороне мне казалось невозможным...». Последнее интервью А.Я. Гуревича, 11 июня 2006 года // Новое литературное обозрение. 2006. № 81.

³³ См.: Rorty R. Contingency, Irony and Solidarity. Cambridge, 1989.

Тип научного мышления, который проявляется в текстах Поршнева³⁴, отчасти объясняет различия в рецепции его работ во Франции и в Советском Союзе. Но при всей важности творчества конкретного ученого, приходится учитывать, что классическая философия не справилась с проблемой человека³⁵, и «эмпирический человек», несмотря на известные достижения новой персональной истории, остается главной загадкой современной историографии. Социологи и историки науки, размышлявшие об «объективации объективирующего субъекта» (С. Тулмин, М. Серто, П. Бурдые и др.), показали, что подлинная история науки возможна лишь там, где удастся преодолеть дихотомию внутреннего анализа, в логике которого наука сама порождает свои проблемы, и внешнего, когда проблемы науки объясняются социальными условиями их возникновения.

Историография – одно из полей культурного производства, где присутствуют смысловые и силовые оппозиции, а также правила/принуждения, материализующиеся в конкретных произведениях историков и в различной документации, которая сопровождает этот процесс в разных средах. Поэтому присмотримся к условиям, в которых работал Поршнева, ибо они во многом определили его научные позиции и поведение, так же, как характер письма и рецепции. В чем проявлялись различия, и что объединяло в 40-х – 60-х годов (период расцвета творческой деятельности Поршнева) французских и советских историков, исследовавших Старый порядок и Революцию?

Новые интеллектуальные историки убедительно показали, что идеологический элемент – неизбежная составляющая «исторического воображения». Поэтому, вряд ли решающие различия во французской и

³⁴ Мое отношение к стилю мышления и работы Поршнева сформировалось на основе чтения его книг, статей и текстов, связанных с жизнью и творчеством ученого. Я не была знакома с Б.Ф. и даже никогда его не видела. Но так случилось, что он оказался моим «научным дедом». На это обратил мое внимание Адо в начале 1980-х годов, когда я, собрав большой конкретный материал по истории народных движений во Франции XVII–XVIII вв., ясно поняла, что обобщить его нетривиально в русле марксистского видения этой темы не смогу. Анатолий Васильевич говорил о Поршневе мало, но считал его незаурядным человеком, который был наделен необычным темпераментом и талантом настоящего ученого. У Гуревича, который знал Б.Ф. много лет, иное мнение: «Борис Федорович Поршнева... был человеком смелой мысли, но мысли, которую, извините, сплошь и рядом приходилось определять как сказу. Во-первых, он выдумывал совершенные фантамы. Во-вторых, категория научной истины была ему абсолютно чужда. Он мог вывернуть все и направо, и налево. Он был полностью беспринципный... Он привлекал меня как человек мыслящий, но его аппарат мышления и продукция, которая из этого аппарата происходила, меня удручали. Он был человеком другого поколения, вообще, он в отцы мне годился». (Последнее интервью А.Я. Гуревича 11 июня 2006 г.). Все это я пишу лишь для того, чтобы еще раз подчеркнуть насколько иллюзорны распространенные до сих пор установки молодых историков «объективно» показать мир идей и творчества конкретного ученого. Необычайная сложность этого мира оставляет историкам лишь возможность профессионального, добросовестного и ответственного согласования различных его рецептов.

³⁵ См., например: *Свасьян К.А.* О конце истории философии // CREDO NEW. Теоретический журнал, 2005. № 4. <http://www.credonew.ru/index.htm>

советской части поля производства исторического знания о Старом порядке и Революции следует искать в сфере идеологии. Российские и французские историки всегда были «ангажированы» и политически, и идеологически, и социально. Во всяком случае, в период 30-х – 70-х годов эта ангажированность ясно проявлялась в исторических исследованиях и дискуссиях. Если советская наука была марксистско-ленинской, то большая часть французских историков в этот период, так или иначе, концентрировалась вокруг левых, центристских или правых идеологий. Многие из них активно участвовали в политической жизни. Самый яркий пример – Мишель Фуко. Хотя, конечно, в «ангажированности» французских и советских историков этого периода были нюансы. Например, советская историография, как и социальная мысль в целом, органично включала в себя идею обязательной «партийности» знания. Причем она была не только навязана извне, со стороны идеологического аппарата, но и опиралась на присущий российской социальной мысли нового времени «субъективизм». Русские социальные мыслители, как и политики (В.И. Ленин, например), видели большой грех в «объективизме», нежели в «субъективизме»³⁶. Французские историки длительное время находились под обаянием объективистских подходов социологии Дюркгейма, что подпитывалось общей материалистической чувствительностью и влиянием марксизма.

Пространство возможностей и альтернатив во французской части этого поля было неизмеримо больше, чем в советской: французы изучали историю собственной страны, могли систематически работать в архивах, оперативно знакомиться с новыми исследованиями, но главное – во Франции это поле было принципиально *открыто* к миру и к новому. Типичная карьера французского историка предполагала мобильность: смена места жительства, учебного заведения, работа за границей³⁷. Историки выполняли в тот период роль интеллектуалов, а история претендовала на лидерство среди социальных наук. Фернан Бродель, который в середине 40-х годов становится главным дирижером во французском «оркестре» социальных наук³⁸, попытался

³⁶ См., например: *Гофман А.Б.* Эмиль Дюркгейм в России. Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001.

³⁷ *Le Roy Ladurie E.* Le Territoire de l'historien, P., 2 vol., 1973–1978. 2 vol. ; *L'histoire et le métier d'historien en France 1945–1995 / Sous dir. F. Bédarida.* P., 1995.

³⁸ В 1947 г. Бродель возглавил «Анналы», а затем стал секретарем только что созданной VI секции Высшей школы практических исследований, первым руководителем которой вопреки надеждам французских социологов стал Люсьен Февр. В 1949 г. Бродель возглавил Центр исторических исследований (CRH), который сразу же начал реализацию масштабных международных исследовательских программ. Проблем было много, но на протяжении 50-х и 60-х годов развитие социальных наук во Франции происходило при явном лидерстве историков. В 1986 г., оглядываясь назад, Бродель прокомментировал ситуацию этого периода еще жестче: «Следует понять главный урок “Анналов”... Он заключается в том, что все социальные науки были включены (sont incorporées) в историю и стали вспомогательными дисциплинами».

обновить и преподавание истории в университете. Известно, что в то время эта попытка не удалась³⁹. Тем не менее, с начала XX в. (а возможно и ранее) во французском академическом поле свободно конкурировали между собой различные научные группы и сети, ориентированные на междисциплинарный синтез⁴⁰. Историки активно осваивали междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. Коллеж де Франс был «храмом культуры инноваций» (Ж. Дюби). В едином интеллектуальном пространстве сосуществовали разные методологии, различные дисциплинарные установки, разные образы исторического знания («Анналы», Э. Лабрусс, А. Собоуль)⁴¹. И хотя во французском интеллектуальном пейзаже первой половины прошлого века доминировал четко структурированный консервативный университет, установка на преодоление дисциплинарных оппозиций и настойчивые усилия историков позволили оформиться таким институциям как Высшая школа социальных исследований и Дом наук о человеке. Их деятельность во второй половине прошлого века не без оснований сравнивают с настоящей гуманитарной империей.

В России, в отличие от Франции, антропологическая история науки делает лишь первые шаги⁴². Тем не менее, можно сказать, что Поршнев, как и все советские историки, работал в условиях принудительного единомыслия, которое требовало определенных компромиссов и обязательного конъюнктурного приспособления к политическим указаниям, идущим от Коммунистической партии и «единственно верной», «научной» методологии-идеологии. Новизна в советской науке

³⁹ Воспоминания студентов того времени свидетельствуют, что Анналы и VI секция долгое время почти не влияли на преподавание истории в Сорбонне. Например, известный французский историк Д. Рош пишет: «Размышлять о Сорбонне 50–60-х годов, где я учился, мне сейчас немного странно. Мало того, что нередко мы томились от скуки, поскольку знаменитые профессора слишком часто преподавали историю очень скучно, мало того, что азы ремесла мы изучали самостоятельно, а некоторые профессиональные приемы, благодаря способности к избирательному подражанию, перенимали от лучших педагогов, но, в довершение всего, мы почти не ощущали тех перемен, которые как раз тогда начинали происходить в нашей науке. У нас никто не говорил ни слова ни об «Анналах», ни, тем более, о Броделе. Этот последний, если судить по намекам, суть которых более осведомленные студенты раскрывали для студентов совсем несведущих, представлялся некоторым из преподавателей фигурой поистине дьявольской. Настоящая жизнь текла за стенами Сорбонны – там шли политические схватки, там разгорались споры в Нормальных школах, там устраивались первые семинары в только что обосновавшейся на новом месте Школе высших исследований (вести о них доносились до нас от старших товарищей), наконец, там читались лекции в Коллеж де Франс, которые самые дерзкие из нас отваживались посещать». – *Рош Д.* От социальной истории к истории культуры: эпоха Просвещения (1988) // История продолжается. Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого. М., 2001.

⁴⁰ *Gattinara E.C.* Les inquiétudes de la raison. Epistémologie et histoire en France dans l'entre-deux-guerres. P., 1998.

⁴¹ *Vingt-cinq ans de recherche historique en France. 1940–1965.* P., 1965; *Le Goff J., Pierre N.* Faire de l'histoire. Bibliothèque des histoires. P., 1986 (1974). 3 vol.

⁴² См., например: Мир историка. Историографический сборник. Выпуск 1. Омск, 2005.

как важнейшее качество научной работы постоянно декларировалась, но у нее были весьма серьезные пределы, и не только идеологические⁴³, но и дисциплинарные. Поршнева постоянно «били» коллеги-историки именно за то, что он пренебрегал этими установлениями. Например, некоторые медиевисты не приняли книгу «Феодализм и народные массы», главным образом, потому, что Поршнева в ней работал не так, как было принято в историческом сообществе. Ему указывали, что эта книга нарушает принятые дисциплинарные нормы, что он не историк.

Закрытость страны и научного поля, отсутствие мобильности ученых, монополия государства на методологию, значительно ограничивали динамику в историческом мышлении. Такое состояние академического поля не способствовало позитивной рецепции творчества ученых, подобных Поршневу.

Сходные моменты в исторических исследованиях представителей двух национальных традиций были обусловлены тем, что они работали в одном «режиме рациональности» или «режиме воображаемого». Иными словами, в академическом мире этого времени имплицитно присутствовала некая когнитивная конфигурация смыслов, во многом определявшая условия возможности научного мышления. Ее характерные черты: вера в науку и ее преобразующую силу, неотделимая от идеи прогресса; понимание истории как целостности; детерминистское и телеологическое видение исторического процесса; материалистическая чувствительность; переоценка однозначности логических оснований исторических явлений; реификация понятий и объектов изучения; понимание культурного статуса прошлого, как того, что безвозвратно ушло, но что можно восстановить «правильно» и объективно, если использовать определенный набор исследовательских процедур; установка на реконструкцию этого прошлого; натуралистическое и объективистское восприятие общества, связанное с эпистемологической родственностью основных теоретических подходов в классической социальной теории: конфликтного (марксизм) и консенсусного (американский функционализм). Совокупность этих представлений во многом определяла интеллектуальную жизнь того времени.

Новое видение мира, человека, культуры и истории, получив значительный импульс на рубеже XIX–XX веков, по крупницам накапливалось в течение всего прошлого века⁴⁴. Вклад историков в этот процесс трудно переоценить. Среди них был и Борис Федорович Поршнева.

⁴³ Гордон А.В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов. 2005.

⁴⁴ Подробнее см.: Чеканцева З.А. Эпистемологическое обновление историописания и Французская революция конца XVIII века // Памяти профессора А.В.Адо. Современные исследования о французской революции конца XVIII века. М., 2003.